

Габдулла Тукай среди уральских товарищей. Уральск. 1906
 Фото из книги: «Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая». Казань, 2021

Великим ничто человеческое не чуждо, или Размышления о судьбе поэта

Татьяна КУЛИКОВСКАЯ,
 директор Республиканского медицинского
 библиотечно-информационного центра

*Я устремляюсь в высоту, в безмерность, в бесконечность,
 К бессмертной, вечной красоте, в сияющую вечность!
 Я вечно юным быть хочу, рождая радость всюду.
 Пусть гаснет солнце в небесах,
 Я новым солнцем буду!..*

Г. Тукай. «Иду своим путём»
 (Перевод Р. Моран, 1912)

26 апреля 2026 года во всём литературном мире отмечается 140-й, юбилейный день рождения Габдуллы Тукая, одного из основоположников современного татарского языка, великого поэта, сказочника и просто человека. Судьба отмерила ему крайне мало лет жизни — всего 26. Но за это время он успел сделать очень много: его литературное наследие составляет 400 стихов и 9 поэм, в том числе и для детей, 350 рассказов, очерков и воспоминаний, труды о татарском фольклоре. Он познакомил татар с творчеством Пушкина, Лермонтова и других русских

поэтов, многие его стихи стали основой для песен, а балет по поэме «Шурале» ставили на сцене Мариинского и Большого театров. Стихотворение «Туган тел» стало гимном татарскому языку. Недаром день рождения великого татарского поэта стал днём родного языка и отмечается татарами во всём литературном мире.

Мы не будем пересказывать биографию Габдуллы Тукая, она известна всем, кто хоть немного интересуется его творчеством. Попробуем взглянуть на некоторые её аспекты в не совсем привычном ракурсе. Такой взгляд побуждает в очередной

раз вспомнить популярную фразу из комедии «Самоистязатель» древнеримского писателя Теренция, ставшую афоризмом: «Homo sum, humani nihil a me alienum puto» («Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо»).

Как это часто бывает, трагическая смерть выдающегося человека превозносит его, делает недостижимым для других. Это произошло и с Тукаем. Мучительная смерть от тяжёлой формы туберкулёза вознесла его выше всей татарской интеллигенции, он мгновенно был признан светочем национальной культуры и интел-

Книги о Габдулле Тукае, вышедшие в разное время.

Габдулла Тукай и Фатих Амирхан. Казань. 1912

Джамал Валиди

лигенции того времени. Именно об этом читаем мы в классических трудах тукаеведов. Когда же анализируешь некоторые не слишком широко известные стороны жизни поэта, приходишь к очевидному до банальности выводу: при всей своей гениальности он был живым человеком со своими слабостями, заблуждениями, предубеждениями, которые ничуть не умаляют масштабы его личности, таланта, значимости для татарской культуры.

Отношение к Тукаю в обществе менялось в разные исторические периоды. Первые статьи о жизни и творчестве поэта начали выходить ещё при его жизни. В подготовленном в 1913 году самим Тукаем и изданном уже после его смерти в 1914-м «Сборнике произведений Габдуллы Тукая» есть предисловие, написанное тюркологом и литературным критиком Джамалом Валиди. В этой статье творчество Тукая впервые было разделено на периоды, были отмечены основные их особенности.

После революции отношение к творчеству Г. Тукая изменилось в соответствии с идеологией новых властей. Оно рассматривалось как активная пропаганда единения

пролетариев всех стран и призыв к избавлению от векового гнёта эксплуататоров.

В 30-е годы прошлого века всем как-то стало не до творчества Г. Тукая. Интересный факт мы находим в статье М. А. Подольской «Профессор Клячкин и последний приют Тукая» (журнал «Казань», 2016, № 4): «Отмахиваясь от пролетарских нападок, Григорий Абрамович (Клячкин) вспомнил спасённых им большевиков, но ни словом не обмолвился о Габдулле Тукае в своей клинике. Видимо, официальные чиновники от советской литературы ещё не признали тогда первенство любимого народного поэта, долгое время считавшегося в СССР буржуазным и религиозным апологетом». И это наводит на определённые размышления.

Кардинально отношение к творчеству Г. Тукая начало меняться с середины 40-х годов. В 1956 году в деревне Кушлавич был установлен первый памятник, потом памятник появился в Кырлае. И, наконец, в 1958 году появился памятник в Казани, в сквере Тукая, созданный при участии Садри Ахунова. А потом памятник Тукаю украсил и Театр оперы и балета имени Мусы Джалиля.

Были изданы сотни научных трудов, посвящённых жизни и творчеству Тукая. Так, в 1977 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии ЖЗЛ была выпущена работа И. З. Нуруллина «Тукай». В 1998 году вышла монография Михаэля Фридериха — единственного западного учёного, посвятившего свою научную работу татарскому поэту. Название его монографии Ghabdulla Tuqaj (1886–1913) Ein hochgelobter Poet im Dienst von tatarischer Nation und sowjetischem Sozialismus можно перевести с немецкого как «Габдулла Тукай, который был идеализирован на служение татарской нации и советскому социализму». На основе использования широкого круга первоисточников автор даёт собственный оригинальный анализ жизни и творчества Г. Тукая, идущий вразрез с устоявшимися привычными стандартами советского литературоведения. В богатой на нестандартные факты и мнения исследовательской монографии М. Фридериха присутствует личная точка зрения автора, которая также ценна для нас тем, что в ней представлен взгляд человека иной культуры. В 2011 году Татарское книжное издательство выпустило

Муса Яруллович Бигеев. 1910

перевод этой работы И. А. Гилязова под названием «Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы». Примечательно, что жизнь и творчество Тукая привлекли специалиста из Германии. В 1996 году этот автор защитил докторскую диссертацию, посвящённую жизни Тукая, которая была отмечена премией немецкого востоковедческого общества в 2001-м.

В 2021 году Академия наук Республики Татарстан выпустила фундаментальное трёхтомное издание «Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая». Данное издание уже успело получить престижную всероссийскую премию в номинации «Лучший научный проект» конкурса на соискание V Всероссийской общественной премии «Ключевое слово» Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН).

Когда изучаешь эти источники, приходит понимание того, насколько тяжела была его жизнь с самых ранних лет, о чём Тукай писал в своих письмах и мемуарной повести «Исемдә калганнар» («Что я помню о себе»). Вспоминается берущий за душу образ маленького Тукая, стоящего зимой на пороге дома старухи Шарифы и пытающегося детскими ручонками открыть примёрзшую дверь. Или история, случившаяся на Сенном базаре Казани, когда привёзший Тукая в Казань возница кричал: «Кто возьмёт сироту на содержание?» «В этой семье я переболел ветрянкой и другими детскими болезнями, был до крайности измождён и истощён. Когда болел, слышал одно и то же: «Подох бы скорей, одним ртом стало бы меньше», — писал поэт. Тяжёлые условия жизни способствовали началу развития туберкулёза. С возрастом ситуация со здоровьем Тукая только усугубилась.

Осенью 1907 года Тукай приехал в Казань. В своей книге Михаэля Фридерих приводит воспоминания Джамалетдина Валиди

об этом периоде жизни Тукая: «Когда Тукай приехал в Казань, он целиком не подчинил свою жизнь порядку, системе. Работу свою выполнял, полагаясь на случай и всякие мелкие впечатления». Сказанное подтверждал и Фатих Амирхан — один из близких друзей Тукая: «Приехав в Казань, он держался далеко от татарских интеллектуалов, (...) сблизился с никудышними и мелкими людьми и слишком погрузился в ресторанный мир». А жизненные условия Тукая были, по словам того же Ф. Амирхана, «...исключительно беспорядочными и исключительно запущенными». В одном из писем к сестре Газизе Тукай писал: «Я в Казани хожу как большой шалопай, даже не успел нормально одеться и помыться». Вот что пишет Сагит Рамиев о том, как выглядел и держал себя Габдулла Тукай: «С непокрытой головой, в тёмных очках, надел на себя старую одежду — то ли плащ, то ли казакин, на ногах потрёпанные штiblеты — такой неприглядный парень». Есть ещё одно свидетельство того же автора: «Он всё время носил одежду либо слишком большую, либо слишком узкую. На голове — или кепка, или широкая русская фуражка. Волосы

носил длинные и никогда их не расчёсывал. В баню ходил редко, одежда очень грязная. Штанины чаще всего подняты вверх и заправлены в ботинки. Шнурки от штiblет не завязаны и волочились по земле». А так описывали современники номер в отеле «Булгар», в котором поселился Тукай: «Стены покрывались инеем, от промозглого воздуха щемило в груди». Для Тукая, чьи лёгкие уже подтачивала болезнь, это было медленной пыткой. В этих условиях развился туберкулёз, который из-за периодического голода, общего сниженного иммунитета, нездорового образа жизни убил его за пять лет. Но сам он о своей болезни не знал. Доктора прописывали ему пребывание на юге, в степи, и он ездил в Астрахань и Уфу лечиться кумысом и дышать воздухом степных трав. Помогало ненадолго. Он путешествовал и везде, куда приезжал, в основном болел.

В 1912 году Тукай по приглашению Мусы Бигеева (1873–1949, татарский философ-богослов, публицист, один из лидеров прогрессивного движения (джадидизм) среди мусульман России начала XX века) едет в Петербург. «Я поражён красотой города. Везде одинаковые деревянные мостовые. Конки. Над ними как в Самаре не хочется посмеиваться. Потому как тут же и трамваи, и автомобили!» — так описывал он свои впечатления о городе.

Петербургских друзей поэта тревожило его болезненное состояние, сопровождавшееся приступами лихорадки. Во что бы то ни стало они решили показать Тукаю врачу. Уговорить поэта было непросто: несмотря на свою болезнь, он до поездки в Петербург только единожды был на приёме у врача, и этот визит поверг его в депрессию. После долгих уговоров он соглашается на визит к известному университетскому врачу Александру Робертовичу Полю (1876–1923, врач-терапевт Санкт-Петербургского универси-

Мемориальная комната в здании бывшей больницы Клячкина. 2016

тета). Осмотрев его, врач поставил диагноз. Вот как эти события описываются в книге «Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая»: «Но выставленный им диагноз был неутешительный — последняя стадия туберкулёза. (Одно лёгкое разрушено болезнью полностью, другое — почти наполовину.) Для того времени этот диагноз звучал как приговор. Узнавшие о нём друзья поэта (следуя врачебной этике, А. Р. Поль не сообщил страшного диагноза самому Тукаю, поставив в известность о состоянии его здоровья петербургских друзей поэта), решают организовать сбор средств для отправки Тукая на лечение в Швейцарию, но тот, успокоенный доктором, принимает

решение поехать (как и было ими изначально задумано) лечиться кумысом в Троицк: «Вот увидите, по осени вернусь таким здоровяком, что не узнаете меня», — говорил он, уезжая, друзьям.

После возвращения в Казань летом 1912 года, поселившись в гостинице, Тукай начал плодотворно работать. К концу февраля 1913 года его здоровье катастрофически ухудшилось. По воспоминаниям Фатиха Амирхана в ночь перед уходом в больницу Тукай зашёл к нему со словами: «Завтра утром я ложусь в Клячкинскую. Ты ещё будешь спать, может, больше не увидимся. Тогда прощай». Выходя из комнаты, он обернулся и пожелал другу долгой жизни.

В больнице Григорий Абрамович Клячкин сделал всё, чтобы облегчить последние дни Тукая. Он приглашал для лечения Тукая известных врачей, в их числе был и Роман Альбертович Лурия. В то время туберкулёз был практически неизлечим, к тому же у поэта, страдавшего им с рождения, была сложная форма, но врачу удалось несколько облегчить страдания пациента. Современники писали, что «...Тукай чувствует себя лучше, чем в первые дни, когда он поступил в больницу. Он говорит, что лекарства, которые прописал ему доктор Лурия для смягчения кашля, облегчили его состояние. Говорил, что в первые дни его очень мучили эти приступы кашля».

Но как же так получилось, что Тукай запустил свою болезнь до такой степени? В журнале «Ялт-йолт» от 21 января 1912 года он написал о себе: «То ли из чрезмерного фанатизма, то ли по иной причине, с самого моего детства я не верил медицине. И всегда сравнивал докторов, которые видели причину болезни с тем, что «нервы расстроены», с бабками, которые каждую болезнь объясняли мором». И ещё: «Для нас больница — это последняя станция перед смертью, хотел немного продлить свою земную жизнь» (из письма поэта к другу Ф. Амирхану). Эти слова Тукая отражают отношение мусульманского населения к медицине, которое земской врач В. А. Свешников описал так: «Очевидно, что мусульмане относятся к стационарному больничному лечению не с таким ещё доверием, как русские, так как это явления меньшей заболеваемости мусульманского населения, требующей серьёзного лечения, объяснить нельзя, ибо мусульманская часть населения составляет беднейшую часть населения участка, живущего в гораздо худших санитарных условиях, чем русские».

Печальная судьба Тукая побуждает отклониться от основной линии нашего повествования и в заключительной части статьи напомнить о том, как обстояли дела в Казанской губернии с диагностикой и лечением туберкулёза. И в этом контексте трагический конец жизни поэта представляется достаточно типичным событием.

В конце 60-х годов XIX века казанские учёные и врачи начали работу по изучению сущности туберкулёза, его диагностике и лечению. Задолго до открытия Коха казанский врач, профессор Императорского Казанского университета, заведующий кафедрой патологической анатомии Александр Васильевич Петров высказался о специфичности и заразности туберкулёза. Профессор

Г. Тукай в больнице Клячкина. Казань. 1913

Императорского Казанского университета Н. М. Любимов описал происхождение гигантских клеток в туберкулёзной гранулеме, собрал и обработал первые статистические данные по туберкулёзу за 1875–1885 годы, прочитал первые публичные лекции о туберкулёзе в университете.

Официальные данные о заболеваемости туберкулёзом в Казанской губернии показывали, что число больных туберкулёзом из года в год увеличивалось (по от-

чётам главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел её уровень составлял от 28,0 до 52,8 на 10 тысяч населения в 1896–1914 годах). Но эти цифры не раскрывали истинную картину заболеваемости туберкулёзом из-за несовершенства статистического учёта.

Профессор Императорского Казанского университета, доктор медицины, один из первых фтизиатров России А. М. Дохман в «Материалах к учению о кумысе»

Похороны Габдуллы Тукая. Казань. 1913

(1881) отметил оздоровительную роль кумыса не только при лечении туберкулёза, но и других заболеваний. В 1890 году он выпустил в свет второе издание этой книги, где предлагал назначать больным в качестве курса лечения не менее восьми-двадцати бутылок кумыса.

В 1906 году в Казани было организовано общество народных университетов, которое занималось распространением гигиенических знаний в народе. Неизвестно, какими бы были успехи в борьбе с туберкулёзом на первых порах, если бы не общественная инициатива «День белого цветка», когда с миру по нитке собирались пожертвования. В 1912 году в Казани открылся отдел Всероссийской лиги для борьбы с туберкулёзом, председателем которого был избран Н. А. Казем-Бек. Отдел лиги проводил «Дни белого цветка» в целях широкой противотуберкулёзной

пропаганды и сбора денег на лечение больных. За 1912–1915 годы было проведено четыре «Дня белого цветка» и собрана огромная по тем временам сумма — около 65 тысяч рублей. Эти деньги пошли на организацию помощи туберкулёзным больным, бесплатное лечение детей в колониях, печатание брошюр и различных иллюстрированных просветительских материалов. Так, например, в 1912 году было отпечатано 40 тысяч экземпляров брошюр на русском языке и 10 тысяч на татарском, чувашском и марийском языках. Особая выставка была организована в мае 1913 года в честь проведения первого «Дня белого цветка». В Казани её посетило, как дотошно подсчитали устроители, 6568 человек.

В 1913 году активисты Всероссийской лиги борьбы с туберкулёзом организовали в Казани в частном доме Т. И. Зарницына

противотуберкулёзный диспансер с бесплатным приёмом, которым заведовал В. В. Фризе. Приём в нём вели профессор университета А. Н. Казем-Бек, С. С. Зимницкий, В. Ф. Орловский. Больных детей принимал Е. М. Лепский. За два года здесь прошли курс лечения сто двадцать человек. Известно, что с конца 1913 года в этой лечебнице начали применять фосфатид доктора Романовского. За последующие два года 804 больным была сделана туберкулиновая проба Пирке.

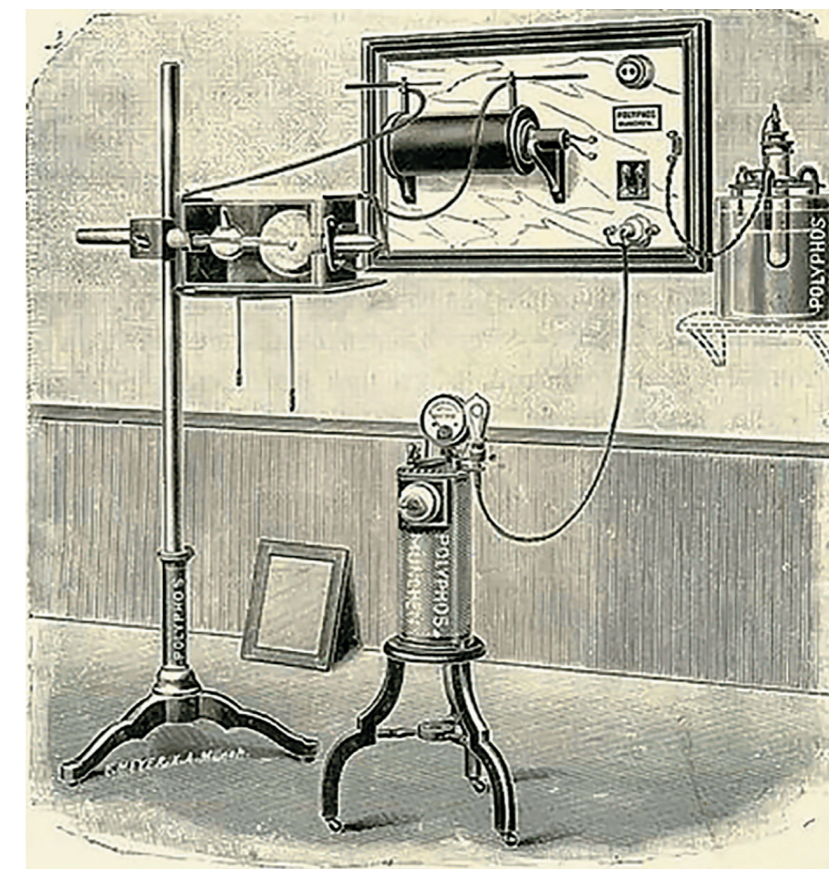
В развитии диагностики туберкулёза огромное значение имело открытие X-лучей в 1895 году В. Рентгеном (1845–1923), после чего рентгенологические исследования стали и остаются до сих пор ведущим методом диагностики туберкулёза органов дыхания. К началу XX века следует отнести становление хирургического метода лечения туберкулёза лёгких.

Александр Степанович Попов

Первые попытки создания рентгеновских приборов в России были предприняты сразу же после открытия X-лучей. К примеру, уже в 1896 году С. С. Лисовский успешно использовал рентгеновское излучение для отображения внутренних органов собаки.

В 1896 году профессор Александр Степанович Попов (1859–1905, русский физик и электротехник, первый российский радиотехник, основатель радиотехнической научной школы, профессор, изобретатель в области радиосвязи, почётный инженер-электрик) разработал первый рентгенологический аппарат, и в начале XX века в России стали широко применяться в медицине рентгенологические обследования для диагностики такого заболевания грудной клетки, как туберкулёз, что позволило врачам выявлять заболевания на ранних стадиях. Это улучшило результаты лечения и снизило смертность. В Казани первый рентгеновский аппарат появился в 1907 году, он был установлен в частной клинике профессора А. Н. Казем-Бека. С течением времени появились рентгеновские кабинеты и в других клиниках. Был такой аппарат и у Г. А. Клячкина, куда поступил на лечение Г. Тукай.

Рентгеноаппарат Александра Попова.

Сегодня полноценная диагностика без рентгена невозможна, хотя раньше врачи только мечтали об этом. В прошлом пациентам даже не с самыми тяжёлыми формами заболевания было проблематично выживать. Методы лечения были настолько несовершенны, что порой ускоряли печальный исход. В те далёкие времена говорили «чахотка», и это звучало зловеще. Сейчас — «туберкулёз», и его успешно лечат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиматдинова, Г. И. Тукаеведение в Германии: взгляд немецкого учёного Михаэля Фридриха / Г. И. Гиматдинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, вып. 10. — С. 3094–3100.
2. Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая: в 3-х книгах. — Казань, 2021. Кн. 1: 1886–1907; 2021. — 448 с.: ил. Кн. 2: 1908–1910; 2021. — 344 с.: ил. Кн. 3: 1911–1913; 2021. — 368 с.: ил.

3. Нуруллин, И. З. Прометей из Новотатарской слободы / И. З. Нуруллин; пер. с татарского. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. — 269 с.
4. Нуруллин, И. З. Тукай / И. З. Нуруллин; пер. с татарского. — Москва: Молодая гвардия, 1977. — 240 с. (Серия: Жизнь замечательных людей: ЖЗЛ.)
5. Очерк развития городской медицины в Казани / сост.: П. А. Ложилов, Н. Г. Питкянен, В. А. Свешников. — Казань: Типография В. М. Ключникова, 1899. — 69 с.
6. Подольская, М. А. Профессор Клячкин и последний приют Тукая / М. А. Подольская // Казань. — 2016. — № 4. — С. 110–119.
7. Фридрих, М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы / М. Фридрих; пер. с нем. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. — 343 с.
8. Шарафутдинова, Р. М. Из истории борьбы с туберкулёзом в Казанской губернии и ТАССР: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата медицинских наук / Шарафутдинова Рузилья Миннерисовна. — Казань, 1967. — 29 с.

Материал подготовлен при активном участии сотрудников сектора формирования фонда по истории медицины и здравоохранения РТ Республиканского медицинского библиотечно-информационного центра Минздрава РТ Г. Г. Садыковой и Е. Н. Санниковой.